

М. Н. Потемкина, Т. Г. Пащковская

**ЭСТОНЦЫ В СОВЕТСКОЙ ЭВАКУАЦИИ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Мифологизация исторических событий и наличие неизученных аспектов истории Эстонии периода Второй мировой войны препятствуют налаживанию отношений добрососедства и сотрудничества между Россией и Эстонией. Пребывание эстонцев в эвакуации на Урале остается «белым пятном» в историографии. В статье на основе архивных документов освещается пребывание населения, эвакуированного из Эстонии на Южный Урал с 1941 по 1944 гг. Исследован количественный и качественный состав эвакуированных, трудности адаптации эстонцев в советском тылу. Сделан вывод о том, что эстонцы переживали те же проблемы, что и всё эвакуанное население в СССР. При этом их положение усугублялось языковым барьером, уровнем бедности на Урале в сравнении с Эстонией, невозможностью заниматься привычной и свободной трудовой деятельностью, незнанием советских законов и неприятием советского строя частью эвакуированных. Проблемы, возникавшие во взаимоотношениях местного и эвакуированного населения, были обусловлены различием в повседневных практиках и историко-культурных традициях, а не национальной или конфессиональной принадлежностью. Кратковременность пребывания эстонцев на Урале не могла привести к культурной и языковой ассимиляции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, эвакуация, эстонцы, диаспора, Южный Урал, советский тыл.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-675-687

В последние годы события Второй мировой войны стали предметом острых дискуссий и политических спекуляций. Политизация исторического нарратива, его вовлеченность в «войны памяти» особенно характерна для бывших республик СССР. В каждой из постсоветских стран конструируется собственный национальный миф, а общая для всех советская история подвергается ревизионизму. Кризисы, недоверие в межгосударственных отношениях и геополитическая динамика, происходящая на постсоветском пространстве, порождают массу «незапланированных дискуссий» на исторические темы. Достаточно привести статью, опубликованную в июне 2020 г. Президентом России, в которой события 1939–1940 гг. названы «инкорпорацией Латвии, Литвы и Эстонии» на добровольной основе в соответствии с нормами международного права того времени [Putin 2020]. В ответ на это министр иностранных дел Эстонии Урмас Рейнсалу назвал публикацию «ложным историческим нарративом» и подтвердил позицию своей страны, согласно которой СССР оккупировал страны Балтии [Reinsalu 2020].

Исследование судьбы эстонского народа советской эвакуации годы Второй мировой войны может стать весомым аргументом в поиске объективной истины.

В историографической традиции освещение темы эвакуации с территории Эстонской ССР в советский тыл носит крайне противоречивый характер. Среди советских исследователей

истории Великой Отечественной войны, затрагивающих вопрос эвакуации населения с прифронтовых территорий, в том числе, Эстонии, следует назвать труд М. И. Лихоманова [Лихоманов 1985, 12], жизнь эвакуированного населения из Эстонии в советском тылу освещалась в работах В. Я. Леде, С. Л. Пурге, А. А. Пуста [Леде, Пуста 1966; Пурге 1965]. Эти исследования содержат статистические данные о количестве жителей прибалтийских республик, эвакуированных на восток, о деятельности и условиях жизни эвакуированного населения в тылу. Очевидно, что в условиях советского времени исследователи не могли выйти за рамки официальной концепции о «нерушимом братстве народов СССР» и о «добровольном характере присоединения» Эстонии к СССР. В 1990-е гг., в связи с процессами демократизации и открытием архивов, российские историки получили возможность более объективно осветить социально-политические процессы советского периода.

Современные российские исследователи жизни эстонцев в советской эвакуации – это, прежде всего, этнологи; их публикации основаны на полевых исследованиях жизнедеятельности эстонских диаспор в Сибири [Лоткин 2003]. Фундаментальным научным исследованием, посвященным истории Эстонии 1940 – нач. 1950-х гг., стала монография Е. Зубковой «Прибалтика и Кремль: 1940–1953 гг.», изданная в 2008 г. Основательно документированный труд способствует концептуальному пониманию «прибалтийского» варианта советизации, принятой в СССР системы взаимоотношений республиканских и союзных структур, а также характера общественного сопротивления. В структуре исследования очевиден хронологический разрыв, связанный с отсутствием отдельной главы о событиях в Прибалтике в 1941–1944 гг. [Токарев 2010]. Российский историк эстонского происхождения С. А. Тамби работает с эстонскими источниками и исследует историю эстонских диаспор на территории России. Одна из работ содержит материал по Челябинской обл. [Тамби 2019]. Однако исторические факты рассматриваются исключительно в позитивном ключе, конфликтные и дискуссионные вопросы не затрагиваются.

Зарубежные историки, изучающие социально-политические процессы в Эстонии в 1940-х гг., фокусируют внимание на репрессивном характере политики советской власти. Об эвакуационных мероприятиях исследователи, как правило, не упоминают [Лаар 2005] или говорят о беженцах в Россию, не раскрывая этот аспект военной миграции.

В статье А. Рахи-Там, посвященной вынужденным миграциям эстонских граждан в 1941–1951 гг., говорится о сложившейся в эстонской историографии классификации покинувшего страну населения. Речь идет о четырех группах: арестованные, депортированные, эвакуированные, ушедшие на фронт [Rahi-Tam 2018, 276]. В исследовании историка проявляется главная особенность эстонской историографии: под эвакуацией, прежде всего, понимается вынужденное бегство эстонцев в 1944 г., вызванное отступлением немецких войск и «советской реокупацией» Прибалтики. Основными направлениями бегства эстонцев были Швеция, а также зоны, подконтрольные американским и британским войскам. Все перемещения на восток, то есть в СССР, сводятся к термину «депортация». Автор насчитывает четыре волны депортации (1941, 1945, 1949, 1951 гг.), и речь идет только о Сибири, жизнь в которой «стала настоящим шоком для эстонцев» [Rahi-Tam 2018, 298]. Ничего не говоря об эвакуации в советский тыл, А. Рахи-Там, тем не менее, пишет о реэвакуации. Хотя реэвакуированное из советского тыла население автоматически оказывалось в Эстонии под подозрением, в 1945–1947 гг. в «новую» республику, мигрировало около 100 тыс. чел. из «старых» советских республик [Rahi-Tam 2018, 274].

Эстонский историк и религиовед Я. Плаат занимается вопросом религиозной трансформации Эстонии в советский период [Plaat 2003, 54]. Тема истории эстонской диаспоры в Сибири изучается фольклористом А. Корб. Помимо культуры сибирских эстонцев автора интересует вопрос репатриации и реинтеграции эстонцев в Эстонии в 1990-е гг. [Korb 2020].

В исследовании эвакуационных процессов важную роль играют историко-статистические исследования эстонских ученых: М. Майсте, А. Пуур [Maiste, Puur 2018]. Предметом статистического анализа выступают демографические процессы в Эстонии в 1939–1941 гг. Эвакуационные процессы по вывозу населения и материальных ценностей в начале вой-

ны характеризуются ими как «политика выжженной земли» [Kaasik 2006, 88; Mertelsmann, Rihi-Tam 2008, 321].

Таким образом, материально-бытовые, культурные, ментальные, этнические проблемы граждан Эстонской ССР, вывезенных в советский тыл в годы Великой Отечественной войны, на фоне общей картины пребывания эвакуированного населения в различных регионах советского тыла образует специфический кейс, который никогда не становился предметом отдельного исторического исследования. Определить эту специфику и выявить её причины цель данного исследования.

Статья основана на архивных документах, мемуарах и воспоминаниях. Сохранившиеся в разных фондах Объединённого государственного архива Челябинской области материалы представляют собой делопроизводственную переписку областных и районных властных структур, а также выдержки из писем эвакуированных, вскрытые органами военной цензуры.

Состав эвакуированных и география размещения

Эстония была включена в состав СССР на правах Союзной Республики в 1940 г. Население этой территории на тот период составило 1052 тыс. человек (в национальном отношении: эстонцы – 965 тыс., русские – 48,4 тыс., остальные – лица других национальностей) [Население..., 9].

После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. эвакуация промышленного оборудования, культурных ценностей и населения на восток стала неизбежной необходимостью. Параллельно с организованной эвакуацией возникло стихийное бегство людей, вызванное стремительным продвижением немецких войск по европейской части СССР. Территория Эстонии была оккупирована фашистами в первые недели войны. Немецкие войска вошли в Таллин 28 августа 1941 г.

В силу этого, а также из-за негативного восприятия советской системы управления со стороны значительной части эстонцев, эвакуация не носила массового характера. В тыл вывозились, в основном, семьи партийного и советского актива и семьи лиц, оставшихся на подпольной работе. Среди эвакуированных были и административно высланные граждане, и мужчины призывного возраста, подлежащие мобилизации в армию. В разных источниках количество вывезенных из Эстонии в эвакуацию людей варьируется от 25 тыс. «беженцев в Россию» [Kaasik 2006, 88; Mertelsmann, Rihi-Tam 2008, 321] до 60 тыс. человек [Население..., 70]. В мемуарах Имби Паю представлены следующие статистические данные (без ссылок на источник): «В июле 1941 года “эвакуировали” от немецкой оккупации в Советский Союз 25 000 чел., из них 5000 умерло в России, 1100 пропало без вести и 500 удалось бежать за границу» [Рају 2007].

Челябинская обл. – часть Уральского промышленного района, имеющая к началу войны численность населения около 3 млн. чел., географически была расположена за тысячи километров от границ СССР. Территория Южного Урала исторически никогда не была местом проживания эстонцев. Несколько десятков эстонских семей появились на южноуральской земле в годы столыпинской аграрной реформы и расселились в Верхнеуральском (в 1909 г. был основан хутор Эстонский) и Красноармейском районах обл. [Лузин 2012, 373–374]. Эстонская диаспора на Южном Урале резко увеличилась в годы Великой Отечественной войны. В июле–августе 1941 г. в Челябинскую обл. было эвакуировано более 5 тыс. чел. из Эстонской ССР [ОГАЧО. Ф 288. Оп. 4 Д. 164. Л. 55–63]. Сюда же были вывезены партийные и государственные руководители республики, архивы СНК Эстонской ССР.

Количественный состав и география размещения эстонцев на территории Челябинской обл. на протяжении военного времени менялись под влиянием следующих факторов: внутренняя стихийная миграция людей в поисках более благоприятных условий выживания; естественная убыль населения; мобилизация мужчин призывного возраста на фронт.

При размещении эстонцы были рассредоточены в двух десятках районов области и в Челябинске. Наиболее крупные этногруппы эстонцев проживали в Нижне-Увельском (1324 чел.),

Верхне-Уфалейском (1159 чел.) и Далматовском районах (1038 чел.) [ОГАЧО. Ф 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58]. В рамках эвакуации в Нижней Увелке был размещен эстонский детский дом из г. Тарту (на ноябрь 1944 г. в нём проживало 113 детей в возрасте до 10 лет) [ОГАЧО. Ф Р-1142. Оп.1. Д. 167. Л. 4, 64].

В составе эвакуированных было много мужчин в возрасте от 20 до 45 лет, впоследствии они были частично рекрутированы в рабочие батальоны, частично мобилизованы в эстонский стрелковый корпус. Судьба эстонцев военнотружеников, принудительно высланных в Россию и эстонцев, мобилизованных в Красную армию, была трагической. Зимой в лагерях принудительных работ умерло больше третьей части находившихся здесь эстонцев, а в 1942 г. из оставшихся в живых был сформирован 8-й эстонский стрелковый корпус. В боях под Великими Луками он понес большие потери, многие перешли на сторону врага [Лаар 2005, 27].

Исходя из сохранившихся архивных данных, мы можем предположить, что прибывшие были преимущественно городскими жителями, не знакомыми с сельскохозяйственным трудом. В списках указаны разнообразные профессии: врачи, преподаватели, музыканты, парикмахеры, продавцы, санитарки, рабочие фабрик и др. [ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 33, 35–36].

Материально-бытовое положение и трудовая деятельность в советском тылу

В советском тылу эвакуированные сталкивались с рядом трудностей материально-бытового и психологического характера: отсутствие жилья, недостаток обуви, одежды, предметов повседневного спроса, потеря связей с родственниками и друзьями, необходимость привыкать к непривычным природно-климатическим условиям. Горожане, размещенные в сельской местности, должны были привыкать к печному отоплению, отсутствию водопровода и канализации и др. непривычным условиям, требовавшим тяжелого физического труда. К этому добавлялись психологические факторы: состояние стресса от начавшейся войны, потери близких людей и имущества, растерянность, которая охватывает любого человека, попавшего в незнакомую обстановку. Эвакуированные воспринимались местным населением двояко: с одной стороны, как люди, попавшие в беду и нуждающиеся в помощи; с другой – как «чужаки», с прибытием которых обострилась жилищная проблема и резко выросли цены на колхозных рынках [Потемкина 2016, 223].

Следует заметить, что присущая советской системе зависимость материально-бытового положения от места на социальной иерархической лестнице, отражалась и на положении людей в эвакуации, несмотря на декларированное в СССР равноправие. Партийное и государственное руководство Эстонской ССР во главе со вторым (впоследствии первым) секретарем Компартии Эстонии Н. Г. Каротаммом, а также представители эстонской творческой интеллигенции (художники, журналисты, писатели) были расселены в номерах самой большой гостиницы областного центра г. Челябинска – «Большом Урале» [Тамби 2019, 411]. Семьи работников центрального и республиканских ЦК ВКП(б) были размещены в Шадринске (до февраля 1943 г. этот город входил в состав Челябинской обл.), членов семей работников НКВД Эстонской ССР в количестве 377 человек поселили в Далматовском районе [ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 33, 35–36].

Анализ архивных материалов позволил выявить дополнительные сложности, с которыми столкнулись прибывшие в регионы советского тыла эвакуированные граждане Эстонской ССР: юридическая неграмотность людей (незнание советских законов), а также языковой барьер (плохое знание русского языка). Дополнительной проблемой стало отсутствие у многих прибалтийских граждан советских паспортов, которые им не успели выдать вместо старых.

В Верхнеуральском районе только 10 % размещённых на жительство эстонцев владели русским языком, а информационных листовок на эстонском языке присылали сюда всего по нескольку штук [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91. Л. 137]. Сложности со знанием языка вызывали не только трудности коммуникационного характера, но иногда приводили к опасным ситуациям. Любая чужая речь в районах советского тыла в годы войны вызывала подозрение и ассоциировалась в общественном сознании с врагом. Так, в августе 1942 г. Т. Таймсоо, не имея на ру-

ках официального документа о назначении его Уполномоченным СНК Эстонской ССР, прибыл в Челябинскую обл. и начал частную переписку с эвакуированными на эстонском языке. Его сочли шпионом, арестовали и долго разбирались [ОГАЧО. Ф. П-288; Оп. 6. Д. 117. Л. 84–87].

Материальное положение прибывших в эвакуацию из Эстонской ССР было различным. В секретном письме, направленном 26 ноября 1941 г. в Челябинский обком ВКП(б) от имени руководства Эстонской ССР, необходимость особого внимания и дополнительной помощи эстонским гражданам обосновывалась тем, что эвакуация с территории Эстонии проходила в короткие сроки под снарядами противника:

«Многие, отступая с Балтийским флотом, тонули в Финском заливе и были спасены после многих часов пребывания в воде» [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58-63].

Об условиях эвакуации написал в своем романе эстонский писатель Пауль Куусберг:

«... Да и не у всех были с собой узлы и чемоданы. Большинство эвакуировавшихся оставили свои рабочие места и дома в самый последний момент, а некоторые не успели даже забежать домой, многие прибыли в порт прямо с передовой – что там у них могло быть. В лучшем случае вещмешок с бельем и обиходной мелочью или чемодан» [Куусберг 1978].

Но часть эстонцев, прибывших в эвакуацию, смогла вывезти из угрожаемых оккупацией районов ценные вещи. Среди вещей были и такие, которые воспринимались сельским населением уральской глубинки как «диковинные» или даже «шпионские»: фотоаппараты, пишущие машинки, радиоприёмники, аптечки с большим ассортиментом медикаментов. Вот что писал секретарь Верхнеуральского райкома партии В. Трофимов:

«Прибывшие граждане из Эстонии имеют в личном пользовании: пишущие машинки, радиоприемники, наркотики, фотоаппаратуру и т. д. Мне кажется, все эти и им подобные предметы должны быть изъяты, однако, органы НКВД медлят. Есть лица неблагонадежные и с явно антисоветскими настроениями» [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 112. Л. 44; Ф. П-288. Оп 4. Д. 164. Л. 24–25, 59].

Любопытно, что подозрительными эти вещи казались не только простым людям и районному начальству, на документе размашистым почерком секретаря обкома партии Сапрыкина наложена резолюция: «пишущие машинки, радиоприёмники надо изъять» [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 112. Л. 44; Ф. П-288. Оп 4. Д. 164. Л. 24–25, 59].

Что касается подавляющей массы населения, то в условиях военного лихолетья, оно – как местное, так и прибывшее в эвакуацию – испытывало острый дефицит в промышленных товарах на протяжении всего военного времени. Результатом такого положения дел были не только заболевания людей, но и невозможность детям посещать школы, а взрослым ходить на работу в холодное время года. Так, 75–80 % прибывших в эвакуацию в Челябинскую обл. эстонцев в ноябре 1941 г. не трудились из-за отсутствия теплой одежды и обуви [ГАОПДКО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 634. Л. 188–189].

Одной из нерешенных проблем на Урале традиционно были нехватка и низкое качество жилья. По данным на 1940 г., в Эстонии на одного жителя приходилось 8,8 кв. м. полезной площади [Mertelsmann 2007], на Урале – 4,9 кв. м. [ГА РФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 51. Л. 143]. Во время войны в связи с сокращением объемов жилищного строительства и притоком эвакуированных ситуация резко ухудшилась. Жилищные неудобства накладывались на конфликты с квартирными хозяевами.

Несмотря на проводившиеся обследования материально-бытового положения эвакуированных эстонцев, на неоднократно принимаемые на разных уровнях резолюции с перечислением не-

обходимых для исправления сложившейся ситуации мер, бытовое положение эвакуированных эстонцев в ряде районов Челябинской обл. оставалось тяжёлым, о чём свидетельствуют их письма, датируемые февралём 1943 г.

«Мужья сражаются на фронте, положение очень тяжёлое. Имеем малых детей, кормить их нечем, кроме 300 граммов хлеба ничего не имеем. В квартире холодно, вода замерзает на печке»;

«Мы больше не можем выносить такого положения, если дело пойдёт так дальше, то мы обречены на голодную смерть»;

«Продукты, которые выдали на 3-й квартал 1942 г., мы не получили. Нет мыла, нечем стирать, и мы завшивели. Когда мы хвораем, начальство нам не верит. Допустимы ли такие безобразия в Советском Союзе? Конечно, нет. Если бы знали высшие власти о таких безобразиях, дело, конечно, было бы исправлено, и виновные привлечены к ответственности» [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 230. Л. 4-9].

Эвакуированным, как особо пострадавшей от войны категории, выделялась социальная помощь продуктами и промтоварами из государственных фондов и из собранных населением или прибывшим из-за границы от союзников. Но объемы помощи декларируемой реально поступавшей и доходившей до нуждающихся значительно отличались. В августе 1942 г. в Далматовском районе были утверждены такие нормы продтоваров для эвакуированных эстонцев на 3-й квартал (в скобках для сравнения приводим фонды для остального эвакуонаселения): мясо, рыба – 1560 г. на человека (–), жиры – 350 г. (100 г.), сахар и кондитерские изделия – 990 г. (600 г.) [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91. Л. 126]. Однако в реальности продукты люди не получили.

По прибытии в эвакуацию одной из первостепенных задач было трудоустройство. Большинство эстонских граждан добросовестно работали в уральских колхозах. Уроженка Саремаа Мария Веэльмаа организовала в Верхне-Уральском районе производство по изготовлению мыла. Пеэтер Михкельсон организовал в Увельском районе артель по производству ложек. Эвакуированные эстонцы участвовали в сборе денежных средств в фонд обороны на строительство танковой колонны «За советскую Эстонию». К 27 февраля 1943 года эвакуированные эстонцы Челябинской обл. собрали на строительство колонны 168 тыс. рублей [Тамби 2019, 413]. Эстонки в рыбацкой бригаде на озере Бугодак научили местных вытапливать из потрохов, которые выбрасывали, рыбий жир, «в войну и голодное послевоенье на нем жарили, им спасали от дистрофии – истощения и малокровия» [Лузин 2012, 373–374].

Были случаи взаимного непонимания в вопросах трудовой этики. Дело в том, что в период между двумя мировыми войнами развитие Эстонии шло по западноевропейской модели. В 1940–1941 гг. на её территории осуществлялись преобразования социалистического характера, но, за исключением нескольких вновь образованных совхозов, аграрный сектор продолжал оставаться в частных руках [Mertelsmann 2007, 321].

Размещённые в Макарьевском сельсовете (Далматовский район) 100 эвакуированных из Таллина и Риги отказались выходить на работу, мотивируя тем, что «не приспособлены к колхозному труду, не имеют спецодежды». Один из эвакуированных не захотел работать в колхозе и просил «разрешить ему жить свободно», то есть заняться торговлей [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 36, 41]. Некоторые эстонцы были удивлены недопустимо низкой оплатой трудодней. Помимо объективных причин военного времени, имел место субъективный фактор: некоторые недобросовестные местные чиновники обманывали эстонцев, плохо понимавших русский язык и не знакомых с системой учёта трудодней.

Руководство Эстонской ССР проводило инспекционные проверки по условиям проживания эстонцев в местах эвакуации и докладывало, как правило, в Челябинский обком партии

о результатах. Так, в секретном письме от 26 ноября 1941 г. констатировалось, что 75–80 % эвакуированных не имеют зимней обуви и одежды, выделяемые фонды продуктов не доходят по назначению, выработанные людьми трудодни низко оплачиваются (в письме употреблён термин «эксплуатация»), есть случаи выселения эвакуированных из квартир, непринятия на работу и др. [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58–63].

Нельзя сказать, что эффективность контроля за материально-бытовым положением эвакуированного населения была совсем низкой. Результаты регулярных проверок неоднократно были предметом обсуждения на заседаниях партийных и государственных органов разного уровня, принимались решения по улучшению ситуации. Есть примеры использования жесткой репрессивной политики в отношении лиц, ответственных за неоказание помощи эвакуированным. Постановлением бюро Челябинского ОК ВКП(б) от 26 августа 1942 г. за «бездушное отношение к нуждам эстонских граждан, проживающих в Верхнеуральском районе», был объявлен выговор председателю райисполкома Мукомел, предупреждение секретарю РК ВКП(б) Трофимову, прокурору области Шиляеву поручено «проверить факты издевательств над эвакуированными и разбазаривания фондов и привлечь виновных к ответственности» [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 59. Л. 16–18].

Зачастую, партийное и советское руководство Эстонской ССР с одной стороны, Челябинской обл. – с другой, пыталось объяснить материально-бытовые и психологические трудности эвакуированных причинами субъективного характера. В итоге эти взаимные обвинения выражались в бесконечной бюрократической переписке. Уполномоченный по Эстонской ССР писал, что эстонцев разместили «в районах с раскулаченным и репрессированным населением, как местным, так и пришлым»; в свою очередь, руководство этих районов утверждало, что прибывшие эстонцы не хотят работать и политически неблагонадежны [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58–63].

Культурная адаптация и взаимоотношения с местным населением

Проблемы во взаимоотношениях с местным населением не были, на наш взгляд, связаны с национальной принадлежностью людей, так как национальный состав коренного населения Урала исторически отличался этнической пестротой. Так, по данным переписи 1939 г. на Урале проживало: русских – 71,54 %, татар – 8,95 %, башкир – 5,96 %, удмуртов – 3,89 %, украинцев – 3,00 %, мордвы – 1,53 %, чувашей – 1,07 % и т. д. [Комар 1959, 145]. Такое национальное многообразие было обусловлено особенностями территориально-географического положения региона, а также миграционными потоками в ходе индустриализации, коллективизации; репрессиями и депортациями 1930–1940-х годов.

Эвакуация привела к еще большей этнической пестроте национального состава населения Урала. Здесь в 1941–1943 гг. жили и работали представители 60 национальностей из 52 областей и республик страны [Михайлов 1995, 39]. В целом, межнациональные взаимоотношения характеризовались толерантностью. Хотя в военное время в Челябинской обл., как, впрочем, и в других областях и республиках советского тыла, имели место отдельные конфликты между местным и эвакуированным населением на национальной почве. Почти во всех случаях межнациональная неприязнь проявлялась по отношению к лицам еврейской национальности и не касалась эстонцев, латышей, литовцев.

Более того, центральное и региональное руководство понимало пропагандистскую значимость сохранения эстонского языка и культуры в соответствии с декларируемым принципом пролетарского интернационализма и дружбы между народами СССР. Так, в начале сентября 1942 г. на территории Челябинской обл. было произведен учет детей-эстонцев, в результате чего в 5 районах области было выявлено 305 детей, подлежащих обучению в 1–4 классах и 70 – в 5–7 классах. Поскольку абсолютное большинство этих детей не владели русским языком, то обучение их в местных школах оказалось невозможным. Вскоре в Далматовском, Варненском, Верхнеуральском, Макушинском и Чесменском районах были организованы классы с преподаванием на родном языке [Дети..., 135–136].

Работали библиотеки с литературой на эстонском языке, выпускались стенгазеты на эстонском языке. Создавались условия для жизни и работы лояльной к советской власти творческой интеллигенции из Эстонской ССР, эвакуированной на Южный Урал. Здесь жили и работали в эвакуации карикатурист и книжный график Хельмут Вальтман (погиб на фронте 6 января 1943 г.), эстонский поэт, писатель, переводчик Эрни Хийр, писатели Аугуст Якобсон, Пауль Куусберг, Василий Мельдер (умер в эвакуации в Верхне-Уральском районе 5 августа 1943 г.), журналист и редактор Йосеп Максимович Саат, известный эстонский художник Эрнст Халлоп [Тамби 2019, 413].

Играл ли какую-то роль религиозный фактор? В документальных источниках нам не удалось обнаружить информации о ритуальных практиках или высказываниях на религиозную тему. Накануне Второй мировой войны около 80 % населения Эстонии составляли протестанты, в подавляющем большинстве это были лютеране. Историк Р. Рингви утверждает, что «религия никогда не играла важную роль в стране в сфере политики или идеологии», и что «тенденции, которые преобладали в конце 1930-х гг. и выражались в более тесных отношений между государством и лютеранской церковью, закончились с приходом советской власти в 1940 г.» [Ringvee 2008]. Часть приехавших в эвакуацию эстонцев поддерживали коммунистическую идеологию, а значит, были сторонниками атеистических убеждений. Что касается другой части эвакуированных, то можем предположить, что религиозные чувства всячески скрывались.

Очевидно, что причины возникавших конфликтных ситуаций кроются в ментальных установках. Традиции, нормы повседневной жизни, культурные ценности эстонцев и русских во многом отличаются. Эстонцы, прибывшие на Урал как административно высланные, изначально испытывали неприязнь к местному населению. Об особенностях мировосприятия и настроений этой группы населения свидетельствуют воспоминания депортированных эстонцев:

«На одной из российских станций поезд остановился, и нам предстала ужасная картина: там собралась огромная толпа, все были пьяны и плясали. Развевались красные флаги, ибо была годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. У мужчин фуражки были сдвинуты на затылок и впереди торчал чуб. Женщины были в черных штанах и белых ситцевых платьях, они кричали и визжали. Такое мы видели впервые... Маму и ее сестру потрясли поросшие кустарником неухоженные просторы Советской России... У себя на родине мы ни разу не видели такой заброшенной природы. Здесь повсюду валялся сор и хлам. Всё это действовало угнетающе. Было чувство, что мы попали в сумасшедший дом» [Рају 2007].

Что касается эвакуированных из Эстонии коммунистов и членов семей партийного и советского руководства, то они также с трудом воспринимали действительность. В советском тылу коммунистические иллюзии, которым были подвержены эстонские просоветские активисты, быстро развеивались.

На личностном уровне взаимоотношения складывались индивидуально. Так, вспоминая о своем военном детстве в эвакуации на Урале, Нина Тантлевская-Лебедева рассказывает о том, что соседка по барaku учительница-эстонка Ольга Павловна Нокс подарила ей на день рождения «целое богатство» – стакан сахара [Недописанные страницы..., 227–229].

Резэвакуация в Эстонию

После поражения немецко-фашистских оккупантов и повторного вступления Красной армии на эстонскую территорию стала возможной резэвакуация (советские войска вышли на границу Эстонии 1 февраля 1944 г.).

Резэвакуация в Эстонию производилась в основном осенью 1944 г. во исполнение Распоряжения СНК СССР от 21 октября 1944 г. В секретном распоряжении ставились следующие задачи по реализации предстоящей резэвакуации: своевременно произвести полный расчёт на предприятиях и колхозах с отъезжающими эвакуированными; произвести организованную отправку людей; оформить пропуска; обеспечить питание в пути; организовать медико-санитарное сопровождение лю-

дей. По утверждённому плану из Челябинской обл. должно быть реэвакуировано в Эстонскую ССР 2206 чел., в том числе 457 чел. из г. Челябинска [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 167. Л. 37, 61].

При отзыве номенклатурных работников в Прибалтику, во всех документах прослеживается настоятельное требование брать преимущественно эстонцев, литовцев и латышей. В уральских архивах сохранились списки коммунистов, направленных местными обкомами ВКП(б) в конце войны на работу в Прибалтику. В графе «национальность» назывались только латыши, эстонцы и евреи. Кстати сказать, работа по подготовке национальных кадров для прибалтийских республик началась в советском тылу уже в конце 1941 г. Она велась по трем направлениям: знакомство с опытом партийной и советской работы в уральском регионе, обучение специалистов из числа эвакуированных жителей Прибалтики, подбор необходимых кадров из числа номенклатурных работников – местных жителей по национальности литовцев, латышей и эстонцев.

Причина такой скрупулезности крылась, на наш взгляд, в том, что для укрепления советского строя во вновь присоединенных республиках необходимы были люди с коммунистическими убеждениями, знанием национального (литовского, латышского, эстонского, молдавского) языка и, желательно, уроженцы этих республик. В Прибалтике проблема социальной опоры новой власти была очень болезненной из-за сильных антисоветских настроений [Тольц 2003].

К началу 1945 г. граждан Эстонии осталось на территории области 78 человек. Скорее всего, в эту цифру не вошли немногочисленные коренные жители области – эстонцы по национальности. Невыясненным остается вопрос о том, находились ли на территории области административно высланные граждане Эстонии и эстонцы в составе рабочих колонн. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Челябинской обл. проживает 353 эстонца (267 горожан и 86 сельчан), что составляет менее десятой доли процента населения региона [Всероссийская перепись населения..., 2010].

Заключение

В период с 1941 по 1944 гг. на территории Челябинской обл. в эвакуации находилось около 5 тыс. граждан Эстонии, что составляет примерно 20% от всех эстонцев, эвакуированных в советский тыл. Среди прибывших были семьи партийного и государственного актива Эстонской ССР, представители творческой интеллигенции, а также рядовые граждане различных профессий, преимущественно городские жители.

Прибывшие испытывали трудности материально-бытового характера, аналогичные остальному эвакуанселению. Среди факторов, осложнивших пребывание эвакуированных эстонцев в уральском тылу, были следующие: языковой барьер, уровень бедности, с которым столкнулись на Урале эвакуированные эстонцы, невозможность заниматься свободной трудовой и коммерческой деятельностью, незнание советских правовых норм, а также неприятие советского уклада, которое у одних изначально присутствовало, а у других наступило в результате разочарования в коммунистических идеалах уже в эвакуации.

Проблемы во взаимоотношениях местного и эвакуированного населения большой роли не играли, они носили естественный характер и были обусловлены различием в повседневных практиках и историко-культурных традициях, а не национальной или конфессиональной принадлежностью.

Конечно, никакой культурной и языковой ассимиляции не могло произойти в силу кратковременности пребывания эстонцев на Урале, психологического барьера между приезжими и местными жителями. Находящиеся в эвакуации эстонцы продолжали ощущать себя более связанными с исторической родиной, нежели с русским окружением в уральской глубинке.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее – ГАОПДКО). Ф. 56. Оп. 2. Д. 634.

- Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 51.
ГА РФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 143.
- Дети Челябинской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 123-140.
- Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940-1953 / История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
- Комар И. В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 367 с.
- Куусберг П. Одна ночь. М.: Советский писатель, 1978. 736 с. URL: <http://www.lib.ru/PRIKL/KUUSBERG/noch.txt> (дата обращения: 25.07.2020).
- Лаар М. Эстония во Второй мировой войне. Таллин: Grenader, 2005. 71 с.
- Леде В. Я., Пуста А. А. Компартия Эстонии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Таллин, 1966.
- Лихоманов М. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942 гг. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 168 с.
- Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора в Сибири: история и современность: Учебное пособие. Омск: Омский государственный университет, 2003. 164 с.
- Лузин Л. Н. Планета Южный Урал: живая энциклопедия народов Челябинской области. Челябинск: «Авто Граф», 2012. 408 с.
- Михайлов В. А. Дружба и сотрудничество народов СССР в годы Великой Отечественной войны // 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. Смоленск: Смядынь, 1995. 344 с.
- Население России в XX веке: исторические очерки в 3-х тт. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
- Недописанные страницы...: о детях-воинах, детях-жертвах и просто детях, живших в годы Второй мировой войны: очерки, воспоминания и дневниковые записи детей, спасенных в 1941–1945 гг. / сост. Т. В. Трухачева. М.: «Пресс-Соло», 1996. 302 с.
- Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm# (дата обращения: 04.02.2020).
- Объединённый государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 4. Д. 164.
ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 59.
ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 117.
ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 230.
ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 112.
ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91.
ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 167.
- Потемкина М. Н. Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 219–226.
- Пурге С. Л. В суровые годы. Таллин, 1965.
- Тамби, С. А. Эстонская диаспора на челябинской земле // Молодой ученый. 2019. №20 (258). С. 409–415. URL: <https://moluch.ru/archive/258/58992/> (дата обращения: 01.07.2020).
- Токарев В. А. Рецензия: Зубкова Е. Прибалтика и Кремль: 1940–1953 гг. // Проблемы российской истории. 2010. №1 (10). С. 548–556.
- Тольц В. «Эстонское дело»: «борьба с национализмом» и кадровая чистка в Эстонии конца 1940-х – начале 1950-х гг. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204188.html> (дата обращения: 01.07.2020).
- Kaasik P. The Falling Apart of Soviet Authority in Estonia and the Evacuation of Soviet Institutions to Russia in 1941 // Aasta Eestis. Eesti Sõjajamuseumi – kindral Laidoneri Muuseumi Aastaraamat. 2006. Vol. 6. P. 86–88.
- Korb A. The Task of a Culture Researcher: Telling the Study of Siberian Estonians // Folklore. 2020. Vol. 178. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol178/korb.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
- Maiste M., Puur A. Registration of the population in Estonia on 1 December 1941: Analysis of the results // Tuna. 2018. Vol. 1. P. 39–59.
- Mertelsmann O., Rahi-Tamm A. Cleansing and Compromise // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 49 (2-3). URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/9132> (дата обращения: 25.07.2020).
- Mertelsmann O. The Private Sphere in Estonia during Stalinism // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 58–81.
- Paju I. Tõrjutud mälestused. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007. 287 p. URL: https://aldebaran.ru/author/paju_imbi/kniga_torjutud_malestused/read/ (дата обращения: 23.07.2020).
- Plaat J. Religious Change in Estonia and the Baltic States during the Soviet Period in Comparative Perspective // Journal of Baltic Studies. 2003. Vol. 34, no. 1, pp. 52–73.

Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National interest. 2020. 18 June. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (дата обращения: 25.07.2020).

Rahi-Tamm A. Forced Migration of Estonian Citizens to the East 1941–1951: Some Similarities with the Accounts of People Who Fled to the West. Proceedings of the Estonian Institute of Historical Memory. 2018. Vol 1, pp. 271–304.

Reinsalu condemns Putin's vision of Baltic occupation. 2020. 19 June. URL: <https://news.err.ee/1104280/reinsalu-condemns-putin-s-vision-of-baltic-occupation> (дата обращения: 25.07.2020).

Ringvee R. State, religion and legal framework in Estonia // Religion State and Society. 2008. Vol. 36 (2), pp. 181–196.

Поступила в редакцию 12.09.2020

Потемкина Марина Николаевна,

доктор исторических наук

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный

технический университет им. Г. И. Носова»

455000, Россия, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38;

старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории

актуальной истории «Российской академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1

E-mail: mpotemkina@mail.ru

Пашковская Татьяна Григорьевна,

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный

технический университет им. Г. И. Носова»

455000, Россия, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38.

E-mail: tatiana.pashkovskaya@gmail.com

M. N. Potemkina

T. G. Pashkovskaya

ESTONIANS IN THE SOVIET EVACUATION IN THE SOUTH URALS DURING WORLD WAR II

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-675-687

The mythologization of history and presence of unexplored aspects in the history of Estonia during the Second World War period prevent the establishing good-neighbourly relations and partnership between Russia and Estonia. Estonians' life in the evacuation in the Urals is a 'blank spot' in the historiography. The article is based on the archival documents and sheds light on the situation of people evacuated from Estonia to the South Urals in the period 1941–1944. The quantitative and qualitative analysis of the evacuees' composition is provided. The difficulties of Estonians' adaptation in the Soviet rear are elicited. It is concluded that Estonians had the same problems as all evacuees in the USSR. Besides, their situation was worsened by the linguistic barrier, the level of poverty in the Urals in comparison with Estonia, impossibility to lead traditional work, the ignorance of the Soviet laws, the abhorrence of the Soviet system among parts of the evacuees. The problems arising between the locals and Estonian evacuees were caused by the differences in everyday practices and historical and cultural traditions, and not the national or religious identity. The short-term stay of Estonians in the Urals could not lead to cultural or linguistic assimilation.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, evacuation, Estonians, diaspora, South Urals, Soviet rear.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 675–687. In Russian.

REFERENCES

- Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskikh dvizhenii kurganskoi oblasti (hereinafter – GAOPDKO) [State Archive of Socio-Political Documentation of the Kurgan region]. F. 56. Op. 2. D. 634. In Russian.
- Gosudarstvennyi arkhiv RF (hereinafter – GA RF) [State Archive of the RF]. F. 327. Op. 1. D. 51. In Russian.
- GA RF. F. 327. Op. 1. D. 143. In Russian.
- Zubkova E. Yu.** *Pribaltika i Kreml'. 1940-1953 / Istoriya stalinizma* [Baltic Countries and the Kremlin / History of Stalinism]. Moscow: ROSSPEHN, 2008. 351 p. In Russian.
- Komar I. V.** *Ural. Ehkonomiko-geograficheskaya kharakteristika* [The Urals. Economical and Geographical characteristic]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. 367 p. In Russian.
- Kuusberg P.** *Odna noch'*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1978. 736 p. URL: <http://www.lib.ru/PRIKL/KUUSBERG/noch.txt> (accessed 25.07.2020). In Russian.
- Laar M.** *Ehstoniya vo Vtoroi mirovoi voine* [Estonia in the World War II]. Tallin: Grenader, 2005. 71 p. In Russian.
- Leede V. Ya., Pusta A. A.** *Kompartiya Ehstonii v period Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuz (1941–1945 gg.)* [The Communist Party of Estonia in the period of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Tallin, 1966. In Russian.
- Likhomanov M. I.** *Partiinoe rukovodstvo ehvakuatsiei v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1942 gg.* [The Party Evacuation Management in the period of the Great Patriotic War, 1941–1942]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1985. 168 p. In Russian.
- Lotkin I. V.** *Pribaltiiskaya diaspora v Sibiri: istoriya i sovremennost': Uchebnoe posobie* [Baltic Diaspora in Siberia: History and Presence. Manuel]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet, 2003. 164 p. In Russian.
- Luzin L. N.** *Planeta Yuzhnyi Ural: zhivaya ehntsiklopediya narodov Chelyabinskoi oblasti* [The planet of the South Urals: Alive Encyclopedia of the Peoples]. Chelyabinsk: «Avto GraF», 2012. 408 p. In Russian.
- Mikhailov V. A.** *Druzhiba i sotrudnichestvo narodov SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Friendship and cooperation of the peoples of the USSR in the years of the Great Patriotic War]. 50-letie Velikoi Pobedy nad fashizmom: istoriya i sovremennost'* [The 50th Anniversary of the Victory over Fascism: History and Presence]. Smolensk: Smyadyn', 1995. 344 p. In Russian.
- Naselenie Rossii v XXm veke: istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century] in 3 vols. Vol. 2. 1940–1959. Moscow: ROSSPEHN, 2001. 416 p. In Russian.
- Nedopisannye stranitsy...: o detyakh-voinakh, detyakh-zhertvakh i prosto detyakh, zhivshikh v gody Vtoroi mirovoi voiny: ocherki, vospominaniya i dnevnikovye zapisi detei, spasennykh v 1941–1945 gg.* [Unfinished Pages ... On the Children-Warriors, Children-Victims, and Just Children who Lived During the Second World War: memoirs and diaries of children rescued in 1941–1945]. Ed. T. V. Trukhacheva. Moscow: “Press-SOLO”, 1996. 302 p.
- Nedopisannye stranitsy...: O detyakh-voinakh, detyakh-zhertvakh i prosto detyakh, zhivshikh v gody vtoroi mirovoi voiny* [Unfinished Pages ... On the Children-Warriors, Children-Victims, and Just Children who Lived During the Second World War]. Moscow, 1996, p. 227-229. In Russian.
- Vserossiiskaia perepis' naseleniya 2010 g.* [All-Russian Population Census 2010]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm#(accessed 02.04.2020). In Russian.
- Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (hereinafter – OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region]. F. 288. Op. 4. D. 164. In Russian.
- OGACHO. F. P-288. Op. 6. D. 59. In Russian.
- OGACHO. F. P-288. Op. 6. D. 117. In Russian.
- OGACHO. F. P-288. Op. 7. D. 230. In Russian.
- OGACHO. F. R-1142. Op. 1. D. 112. In Russian.
- OGACHO. F. R-1142. Op. 1. D. 91. In Russian.
- OGACHO. F. R-1142. Op. 1. D. 167. In Russian.
- Potemkina M. N.** *Konfliktnye zony ehvakuatsii v SSSR i sposoby ikh preodoleniya (1941–1945 gg.)* [Conflict evacuation zones and ways to overcome them (1941–1945)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2016. Vol. 3 (53), pp. 219–226. In Russian.
- Purge S. L.** *V surovye gody* [In the harsh years]. Tallin, 1965. In Russian.
- Tambi S. A.** *Ehstonskaya diaspora na chelyabinskoi zemle* [Estonian Diaspora in Chelyabinsk Land] *Molodoi uchenyi* [Young researcher]. 2019. Vol. 20 (258), pp. 409–415. URL: <https://moluch.ru/archive/258/58992/> (accessed 01.07.2020). In Russian.

Tokarev V. A. Retsenziya: Zubkova E. Pribaltika i Kreml': 1940-1953 gg. [Review: Baltic Countries and the Kremlin]. *Problemy rossiiskoi istorii* [Journal of Russian History]. 2010. Vol. 1 (10), pp. 548–556. In Russian.

Tol'ts V. «Ehstonskoe delo»: «Bor'ba s natsionalizmom» i kadrovaya chistka v Ehstonii kontsa 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [Estonian Case: Fighting Nationalism and Purges in Estonia in the end of 1940 s – beginning 1950s] URL: <https://www.svoboda.org/a/24204188.html> (accessed 01.07.2020). In Russian.

Kaasik P. The Falling Apart of Soviet Authority in Estonia and the Evacuation of Soviet Institutions to Russia in 1941. *Aasta Eestis. Eesti Sõjamuuseumi – kindral Laidoneri Muuseumi Aastaraamat*. 2006. Vol. 6, pp. 86–88.

Korb A. The Task of a Culture Researcher: Telling the Study of Siberian Estonians. *Folklore*. 2020. Vol. 178. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol178/korb.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

Maiste M., Puur A. Registration of the population in Estonia on 1 December 1941: Analysis of the results. *Tuna*. 2018. Vol. 1, pp. 39–59.

Mertelsmann O., Rahi-Tamm A. Cleansing and Compromise. *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 49 (2-3). URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/9132> (дата обращения: 25.07.2020).

Mertelsmann O. The Private Sphere in Estonia during Stalinism. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2007. Vol. 18, pp. 58–81.

Paju I. *Tõrjutud mälestused* [Memories Denied]. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007. 287 p. URL: https://aldebaran.ru/author/paju_imbi/kniga_torjutud_malestused/read/ (accessed 23.07.2020). In Estonian.

Plaat J. Religious Change in Estonia and the Baltic States during the Soviet Period in Comparative Perspective. *Journal of Baltic Studies*. 2003. Vol. 34, no. 1, pp. 52–73.

Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II. *The National interest*. 2020. 18 June. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (дата обращения: 25.07.2020).

Rahi-Tamm A. Forced Migration of Estonian Citizens to the East 1941-1951: Some Similarities with the Accounts of People Who Fled to the West. *Proceedings of the Estonian Institute of Historical Memory*. 2018. Vol 1, pp. 271–304.

Reinsalu condemns Putin's vision of Baltic occupation. *Err.ee*. 2020. 19 June. URL: <https://news.err.ee/1104280/reinsalu-condemns-putin-s-vision-of-baltic-occupation> (дата обращения: 25.07.2020).

Ringvee R. State, religion and legal framework in Estonia // *Religion State and Society*. 2008. Vol. 36 (2), pp. 181–196.

Received 12.09.2020

Potemkina Marina Nikolaevna,

Doctor of Science in History, Head of Department of World History

Nosov Magnitogorsk State Technical University

38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000 Russia;

Senior Researcher of the Laboratory of Actual History

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571 Russia

E-mail: mpotemkina@mail.ru

Pashkovskaya Tatiana Grigoryevna,

Candidate of Science in Philosophy,

Associate Professor of Department of World History

Nosov Magnitogorsk State Technical University

38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000 Russia

E-mail: tatiana.pashkovskaya@gmail.com